

Лучший на свете

Юлия Шумилова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Шумилова

Лучший на свете

<https://litres.ru/74612102>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пережив череду тяжелых утрат, больше всего Яна боялась полюбить и быть брошенной. А еще — больших и сильных мужчин, в которых видела угрозу.

Существовал лишь один человек, казавшийся самым надежным, и чья сила не внушала страха, но на него Яна никогда не смотрела как на мужчину, скорее как на брата — ведь Саша был мужем ее старшей сестры.

Когда с Любой случилась трагедия, Яна без колебаний согласилась переехать к нему, чтобы помочь с маленькой с племянницей, оставшейся без матери. Она ехала в самый безопасный дом, который знала, не видя двусмысленности в том, что будет жить под одной крышей с "братом".

Яна даже подумать не могла, что добровольно попадает в жестокую ловушку.

Когда любовь становится приговором...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2 История сестер	11
Глава 3. Крик в ночи	24

Юлия Шумилова

Лучший на свете

Глава 1

2014 год

Саша

Это был триумфальный год. Чередой громких побед убедил Сашу Волкова, что его жизнь близка к пику: еще чуть-чуть — и произойдет очень крутой взлет. Перед ним — перед ними с Катей — вот-вот должны были открыться совершенно новые горизонты.

К своим двадцати четырем годам Саша был двухкратным чемпионом России в тяжелом весе, выступал за страну, не так давно стал серебряным призером Европы и готовился к Чемпионату Мира и переезду из Кемерово в Москву, куда его пригласил главный тренер Российской Сборной. Это была огромная честь и блестящие перспективы.

Катя разделяла его триумф, поддерживая Сашу во всем. Возможно, если бы не ее вера, он бы и не достиг таких высот. И не ее любовь — такая же неистовая, как и его чувства к ней. Бокс и Катя стали двумя его всепоглощающими страстями, способными, словно цунами, смести все на своем пути.

Саша считал, что с Катей ему нереально повезло — у него

была потрясающая девушка: вызывающе-красивая, яркая во всем, — настоящая зажигалка. Точнее, чистый огонь. В сексе — идеальная партнерша для него: страстная, ненасытная и вообще без комплексов.

Когда Саша сообщил ей новость, Катя накинулась на него, словно пантера. Та ночь была умопомрачительной: следы ее ногтей и зубов, оставшиеся на его коже, были для Саши лучшим подтверждением Катиной любви.

Скоро ему предстояло узнать, что любила девушка не столько его, сколько то будущее, которое он вот-вот должен был бросить к ее ногам. Вероятно, ей грезились лучшие отели мира, свет софитов и рукоплескания толпы, посвященные ее мужчине. На тот момент еще не мужу, но они были вместе уже три года и собирались пожениться.

Все эти возможности не свалились на Сашу с неба — это был результат тяжелого и упорного труда: он плотно тренировался с пяти лет. Изначально это была идея отца, сурового подполковника полиции. В те годы спорт особой радости не приносил: тогда это было большей частью изнурительное ОФП, до изнеможения.

Не раз мальчик, прячась от посторонних глаз, утирал кулаком злые слезы, наблюдая за сверстниками, гоняющими балду во дворах. Но перечить отцу он не смел: тот не терпел слабости. Одного взгляда пронзительных глаз, брошенного из-под нахмуренных бровей этого огромного мужчины, было достаточно, чтобы желание сделать по-своему рассеялось,

как дым.

Но потом Саша был лишь благодарен отцу за строгость: бокс стал для него всем — жизнью, страстью, настоящим и будущим. Учеба всегда плелась где-то в хвосте, на десятом плане, но за спортивные заслуги ему прощали все: оценки в школьном журнале появлялись автоматом, а диплом спортивного вуза он получил, почти не переступая его порог.

У него были друзья по команде и романы, но спорт оставался единственной настоящей любовью. Пока не появилась Катя, разделившая с рингом пьедестал его сердца. А потом он потерял их обоих.

Это был очередной чемпионат России, третий раунд. Даже через шлем Саша слышал, как зал гудел, поддерживая его. Он уверенно вел по очкам: два раунда остались за ним благодаря скорости и точным джебам. Его соперник — москвич с тяжелым ударом — все время пытался загнать его к канатам, но он каждый раз уходил в клинч или разрывал дистанцию.

К середине третьего раунда он почувствовал подъем и прилив уверенности: противник явно начал «плыть», его движения замедлились, и Саша решил его дожать. Это было последним, что он помнил. Остальное ему рассказали, а спустя какое-то время он решился сам посмотреть видеозапись боя.

Он увидел, как пошел вперед, выбрасывая серию: джеб, правый боковой, снова джеб. И тут он допустил класси-

ческую ошибку, продиктованную излишней самоуверенностью, — он слишком сильно «потянулся» за ударом, чуть наклонил голову вперед и открыл висок.

Его соперник даже не рассчитывал на такую удачу, не искал нокаута специально: он просто поймал удачный момент и вложил все тело в правый хук. Удар пришелся в левую височную область, прямо под край шлема.

С какой же болью Саша просматривал это видео: он рухнул не сразу — на несколько секунд он словно завис. Потом сделал шаг вперед, будто еще надеясь преодолеть слабость и продолжить бой, и даже поднял руки, но было видно, что тело его уже не слушается. Потом он упал.

Что было дальше, он узнал со слов врачей: трещина височной кости, кома, ушиб мозга и обширная эпидуральная гематома по данным КТ, трепанация черепа, чтобы удалить сгусток крови и снять давление. После операции — долгая медикаментозная кома с целью снизить потребность мозга в кислороде и дать ему шанс на восстановление.

За то время, что Саша валялся без сознания, от обширного инфаркта умер его отец, у которого эта трагедия произошла на глазах. И который, несмотря на всю свою жесткость, любил сына больше всего на свете и не перенес такого потрясения.

Потом — долгая реабилитация: Саша буквально заново учился ходить и говорить. Страшные головные боли, судорожные припадки, депрессия, тонны лекарств. Постепенное

и практически полное выздоровление (чего почти никто не ожидал), но — с окончательным и не подлежащим обжалованию вердиктом врачей: с боксом для него покончено навсегда. Хоть он и надеялся до последнего, и тренера старались его отстоять, но эскулапы были непреклонны.

И после — роковое объяснение с Катей, которого он исподволь и со страхом ждал. Девушка старалась его поддерживать, ухаживала за ним, когда он был почти беспомощен, сопровождала его на процедурах — однако огонь в ее глазах медленно, но верно угасал.

Когда Саша пошел на поправку, искра, вроде бы, снова вспыхнула чуть ярче, но приговор «не годен» решил для нее все. Катя сказала, что уезжает в Москву без него, что у нее появились там «собственные перспективы». При отсутствии хорошего образования и опыта работы Саша мог лишь предполагать, *какие*.

Тогда он почувствовал такую боль и такую ярость, что, казалось, вот-вот — и мог бы убить. Он швырнул вазу — не в Катю — в стену рядом, велел девушке убираться. Раньше он даже голоса не повышал на женщин, а поднять руку считал самым последним делом. Но сейчас чувствовал, что может не сдержаться: если она не исчезнет сию же секунду, то от нее и мокрого места не останется. Катя ретировалась за полсекунды, и больше Саша ее никогда не видел: за вещами она заехала, когда точно знала, что его не будет дома.

После ее ухода он перевернул все в квартире и расшиб

руку о стену, представляя, что это ее лживая физиономия. Заработал перелом двух пястных костей — но ничего, это зажило. Душевные раны затягивались гораздо дольше.

Ему предлагали стать тренером, но он решил уйти из бокса совсем, вычеркнуть его из своей жизни, как и Катю: ему не нужны были крохи с барского стола. Без спорта совсем он бы, наверное, растекся, развалился на куски, но он пошел на дзюдо — без допуска к соревнованиям, естественно. В любом случае, он слишком поздно начал, — да он уже и не хотел ничего, что напоминало бы о большом спорте. Просто нужно было держать себя в форме.

С серьезными отношениями он тоже, казалось, завязал. Да вообще с отношениями. Только встречи для секса на один-два раза, без привязанности, без обязательств, сразу с обозначением границ, что никакого продолжения быть не может. Не брезговал и услугами проституток, это было проще: все честно — кроме денег, от тебя ничего не ждут.

Прошло какое-то время, и Саша нашел себя в другом деле. Это не было, конечно, такой любовью, как бокс, но ему нравилось, и он чувствовал себя там нужным, на своем месте, — но это тоже плохо закончилось.

Тогда Саша решил, что точно конец: пора со всем завязывать. С этой жизнью. Вот только в ту ночь, когда он собирался все завершить, он неожиданно встретил *ее*. Девушку с самыми прекрасными — и самыми честными глазами, что ему доводилось видеть. *Никто... никогда... не смотрел... на*

него... так. И тогда Саша решил дать себе еще один шанс, он еще раз *поверил*.

Глава 2 История сестер

2010 — 2016 годы

Яна

Когда-то мы были хорошей и дружной семьей. Да, папа иногда выпивал — на праздниках мог переборщить, и тогда он становился шумным, говорливым и веселым. Мы с сестрой замечали, что это огорчает маму, да и Люба, которая была старше меня на три года, хмурилась. А мне он в эти минуты казался даже забавным.

Иногда по пятницам, после работы, отец приходил с запахом алкоголя. Этот запах мне никогда не нравился — но сам папа бывал в такие моменты очень ласковым и тактильным. Люба говорила, что он становится назойливым и прилипчивым, а я так не думала. Наверное, я просто была еще маленькой и мало что понимала.

Мама огорчалась, видя его таким, но вслух возмущения никогда не высказывала. Она просто кормила его ужином и укладывала спать. Возможно, она относилась к нему как к еще одному ребенку — только взрослому.

Но случалось это не так уж часто. Мы много времени проводили вчетвером: по выходным выбирались на природу или аттракционы, играли дома в настольные игры, вместе готовили. Мама чудесно пекла, и нам с сестрой очень нравилось помогать ей в этом процессе.

Мне бы хотелось навсегда ее такой и запомнить: теплой, светлой и с запахом пирогов. Вот только этот образ со временем настойчиво вытеснили совсем другие воспоминания. Тогда она была центром нашей маленькой вселенной, на котором все держалось. Папа обожал маму, а в ней было столько любви для каждого из нас.

А потом, когда мне еще не исполнилось одиннадцати, она заболела.

Сначала я не осознавала, что происходит. Заметила только, что мама стала быстрее уставать, ей чаще требовалось полежать после домашних дел, затем она ушла с работы. И выражение ее лица, особенно глаз, изменилось: в них появились непонятные моему детскому мозгу печаль и тревога, когда она смотрела на нас. Только став старше, я поняла: в душе она с нами уже прощалась и очень переживала за то, как мы справимся без нее.

Папа становился все более отстраненным, чаще приходил выпившим — вот только в такие минуты больше не обнимал меня. А мама как будто еще сильнее расстраивалась, но уже не находила в себе сил его кормить и укладывать. Ложились, отвернувшись к стене, а он сидел рядом: угрюмый, растерянный, понутив голову и глядя в пол.

Иногда я подслушивала разговоры из-за закрытой двери, и до меня доносились обрывки непонятных мне фраз и пугающие незнакомые слова: «пункция», «биопсия», «неоперабельный», «химиотерапия».

Само слово «рак» я впервые услышала от соседки, тети Нины. В том возрасте я еще не понимала, за что ее не люблю — она старалась казаться милой и заботливой. Уже позже я сообразила, что за показным радушием и сочувствием скрывалось желание сунуть свой длинный нос не в свое дело и порадоваться чужой беде.

Мы возвращались вместе с Любой из магазина и столкнулись с ней на лестнице.

— Бедные вы мои! — запричитала соседка, пытаясь обнять нас, но Люба, сердито зыркнув на нее, резко отступила назад и одернула за руку меня. Однако это не оставило вредную тетку. — И бедная Наденька: рак в таком молодом возрасте. Только бы Бог ей помог, не оставил вас сиротинками!

Я ничего толком не поняла, но нутром почувствовала, что было сказано что-то очень плохое, и мне стало страшно.

— Пойдем! — скомандовала Люба и потянула меня вверх по ступенькам.

Думаю, она к тому моменту уже была осведомлена о ситуации гораздо лучше меня: ведь я замечала, что нечто происходит и с ней. Сестра всегда была серьезной и дисциплинированной, но в те месяцы в ее глазах появилось какое-то совсем новое, абсолютно недетское выражение — и ее отношение ко мне изменилось. Раньше мы были почти на равных; теперь же я явно ощущала, что она взяла на себя роль того, кто заботится обо мне и несет за меня ответственность. Да, как будто бы, и не только за меня — а и за маму, и даже

за отца.

В тот день Люба долго говорила о чем-то с мамой за закрытой дверью, а потом они позвали меня. И мама рассказала, что тяжело болеет и борется с недугом изо всех сил, но может и не поправиться. И что она была, есть и в любом случае останется самым счастливым человеком, потому что бог дал ей таких дочерей. И что, даже если ее не станет, нам нельзя забывать: мы есть друг у дружки и должны друг за друга держаться — а она будет приглядывать за нами небес.

После мама обняла нас. Я видела слезы в ее глазах и сама плакала, хотя толком и не могла представить, как это, если мамы не станет. Только Люба держалась — думаю, она уже тогда осознавала, какая нелегкая ноша ложится на ее детские плечи, и что только железная стойкость поможет не сломиться под ее тяжестью.

Вскоре о маминой болезни узнали все, даже в нашей школе. Отношение к нам будто стало добрее и бережнее — и со стороны учителей, и одноклассников тоже, вот только... У меня было четкое ощущение, что за этой мнимой заботой скрывается любопытство, а еще — что-то вроде страха: как будто чужой бедой можно заразиться.

Раньше к нам приходили подружки, но потом, когда все стало совсем плохо, перестали. И мы никуда не ходили — проводили время с мамой дома, пока еще была такая возможность. Когда ей стало еще хуже, все бытовые дела легли на нас с Любой. На отца надежды не было: беда все плотнее

окутывала нашу семью темным облаком, и он спасался от нее своим способом. И уход за мамой, когда она слегла, тоже оказался на наших с Любой плечах.

Не буду врать, нередко мне хотелось сбежать из мрачной и тягостной атмосферы нашей квартиры и снова стать обычным ребенком. Таким, как мои сверстницы. Но словно между мной и ими пролегла непреодолимая пропасть.

Особенно это стало очевидно после того, как Вероника, одна из моих прежних подружек, как-то заглянула к нам без приглашения: якобы за помощью с домашкой. Для этого совсем не обязательно было приходить, да и примерной ученицей я тогда уже точно не была. Думаю, любопытство, что же происходит, взяло верх над страхом. А на следующий день девчонки спросили меня, чем это так странно пахнет у нас дома.

Да, как мы с Любой ни старались ухаживать за мамой, поддерживать чистоту, но специфические запахи болезни все равно присутствовали в нашей квартире. Тогда до меня дошло, насколько их сочувствие было неискренним, и я поняла, что больше никогда не стану одной из них.

Тем же вечером дома случился большой скандал. Отец вернулся поздно и едва стоял на ногах. Люба, строгая и бесстрашная, тут же набросилась на него: как он может быть таким трусливым и бездушным?! Какое право имеет добивать мать?!

Вести такие разговоры с пьяным человеком было без тол-

ку. Но откуда взяться жизненному опыту в четырнадцать лет — да и слишком много подавляемой злости скопилось. Тогда он впервые ударил ее по лицу. А Люба даже не заплакала в тот момент — лишь когда она думала, что я уже сплю, я слышала ее тихие всхлипы.

Потом все пошло стремительно. Мама истаяла на глазах: цвет ее лица и белков глаз стал желтым, у нее вырос огромный живот, как у беременной. Его вид очень пугал меня — ведь внутри был не ребенок, а жидкость, которая убивала ее, душила. Как и та, что скапливалась в легких.

Дважды ее возили в больницу, где жидкость откачивали, а потом возвращали обратно домой. Умиравших раковых больных не госпитализировали.

У мамы начались страшные боли, и каждый день утром и вечером приходила медсестра, чтобы колоть ей сильные анальгетики. От них мама пребывала в полузабытии. Вероятно, это было для нее спасением. Но, когда она ненадолго становилась собой, то очень сожалела и испытывала незаслуженную вину, что в этом полусне не может быть с нами.

Мне было так больно и страшно. И самой ужасной и постыдной была мысль, которая временами непрошено вторгалась в сознание: что, раз все предрешено, и надежды уже нет — так пусть это уже поскорее закончится.

Став взрослой, я много читала об этом и прошла краткий курс психологии на обучении сестринскому делу. Тогда я узнала, что подобные мысли — своего рода норма для близ-

ких обреченных больных. Наверняка они возникали и у Любы, вот только мы ни разу в них друг другу не признались.

Отец... Думаю, он все же любил маму, — просто переживал горе, как умел. Он оказался совсем не таким сильным перед лицом беды, как мог бы, как должен был бы ради всех нас. Не таким, как его старшая дочь, которая к тому моменту едва успела получить паспорт.

Он сломался. Бывало, подолгу просиживал у маминой постели с серым лицом, держал ее исхудавшую руку, гладил по голове. Но он был из тех, кто старается избегать столкновения с горем: он все меньше времени проводил дома, все чаще искал утешения в бутылке. Даже рядом с женой он редко бывал трезвым.

Спустя полгода с тех пор, как я узнала о маминой болезни, она умерла. Отца в этот момент не было рядом, он снова где-то бухал. У мамы началась агония. Она была без сознания, металась по кровати и дышала так страшно: вдохи становились все громче, доходя до пика, а затем сходили на нет, и наступала пауза. Нам казалось, что это все, но цикл возобновлялся.

Больше всего я боялась потерять маму, но даже в свои одиннадцать понимала, что теперь это точно конец. И молилась не о чуде, а о том, чтобы это поскорее уже завершилось. Чтобы она отмучилась. К тому моменту я уже поняла, что чудес не бывает.

Мы вызвали скорую. Приехали врачи, но лишь развели

руками: они были бессильны чем-то помочь. Они спросили, есть ли дома взрослые, и Люба ответила, что папа мчится с ночной смены.

Я понимала, почему она солгала: кроме отца, у нас никого не осталось. Наши мама и папа были единственными детьми в семье, а бабушки и дедушки давно ушли в мир иной: папины родители сгорели от водки еще в молодости, а мамины — погибли в автокатастрофе, когда мне было около трех. Я не помню ни тех, ни других — не знаю, помнила ли кого-то Люба. Поэтому, узнай кто, что папа жестко запил, и нам светил бы детский дом.

Врачи хотели подождать отца вместе с нами — и это вряд ли было бы к лучшему, но тогда мне не хотелось, чтобы они уезжали, настолько было жутко. Но они получили новый экстренный вызов и исчезли в ночи, оставив нас одних провожать маму в последний путь.

Ее не стало около пяти утра, и мы просто сидели в темноте, тесно прижавшись друг к другу. Осиротевшие, застывшие — словно ледяной ужас смерти парализовал нас. Мы не смели никуда звонить, потому что тогда бы нас точно забрали. А пьяный в хлам отец вернулся домой только ближе к семи.

Потом он на какое-то время заставил себя собраться и организовать похороны, но дальше все покатилося лишь по наклонной. Он запил по-черному, и, прежде веселый в опьянении, теперь он был гневлив и страшен. И до рукоприкладства

доходило все чаще. Я безумно его боялась — а Люба, казалось, ненавидела. Она всегда была сильнее и смелее меня.

Так мы остались одни на всем белом свете. Мы не жили — мы выживали, даже чисто физически: дома часто было совершенно нечего есть. Иногда школьный обед, который нам полагался бесплатно по потере кормильца, был единственным, что нам удавалось положить в рот за весь день.

Учителя нас жалели, и одноклассники относились неплохо: старались как-то подбодрить, угостить чем-то, звали к себе (наверное, по совету родителей) — и там можно было хотя бы утолить мучительный голод. Но гордая Люба обычно отказывалась, а я, следуя ее примеру и вспоминая Веронику, делала то же самое.

Мне не хотелось ни с кем дружить. Люба теперь была моей единственной подругой.

В Любины шестнадцать стало чуть проще. Сестру взяли на работу в «Макдональдс», и, хоть это было и против правил, но там знали нашу ситуацию, и подкармливали меня тоже. Потом у соседки с первого этажа тяжело заболела мать, и дошли слухи, что она ищет сиделку за недорого. Хотя мне было не было и четырнадцати, но жизнь заставила меня научиться многому. Я предложила свою кандидатуру, и меня взяли.

С тех пор мы хотя бы перестали голодать, и даже смогли покупать кое-какую одежду. Но обстановка дома оставалась ужасной. У отца бывали краткие светлые промежутки, когда

он не пил, но мы никогда не знали, в какой момент кошмар начнется снова, — и страх не отпускал ни на миг.

Потеря матери, невыплаканное горе, жизнь в постоянном ожидании отцовской агрессии — все это превратило меня в пугливого, замкнутого, печального и бесконечно одинокого подростка. Конечно, у меня была сестра, самая чудесная сестра на свете, которая, как могла, заботилась обо мне и в чем-то пыталась даже заменить мать.

Но Люба сама была травмирована не меньше. К тому же она так уставала, учась и работая не покладая рук. А чтобы оставаться твердой, сестра привыкла тщательно подавлять эмоции. Я не сомневалась, что она очень любит меня, — но она не могла дать мне того тепла, в котором я так отчаянно нуждалась.

И тогда я стала искать это тепло в объятиях парней. Это началось еще дома и продолжилось, когда сестре исполнилось восемнадцать, и она сняла для нас комнату. Люба могла бы съехать в общежитие и двумя годами раньше, после зачисления в педучилище, но она бы ни за что не оставила меня одну с тем страшным и опустившимся человеком, в которого превратился наш отец.

После переезда сразу стало безопаснее, и мы с Любой как будто постепенно оттаяли: стали не так мрачно смотреть на мир, больше разговаривали и делились друг с другом, даже вернули некоторые традиции, которые были при маме: вместе печь по выходным, играть в настолки.

Вот только парни никуда не делись. Любе это не нравилось, и она пыталась меня образумить — да я не слушала ее. Сама она ни с кем не встречалась и в отношении меня была абсолютно права: все это началось слишком рано и совсем не так, как мечтает любая девочка. И эти непонятные связи гораздо больше забирали, чем давали. Но главного — тепла и ощущения, что ты по-настоящему кому-то нужна, — я так ни с кем и не обрела.

Шли годы. Я доросла до своих шестнадцати и собралась поступать в училище. О выборе профессии для меня вопрос не стоял: это могла быть только медицина. Я хотела помогать, спасать. О профессии врача я, правда, не мечтала — это казалось чем-то заоблачным, предназначалось для кого-то другого, но не для меня.

Логичнее было остаться в Кемерово, поближе к сестре, хотя иногда я грезилась о Питере. Я побывала там в детстве лишь однажды, но успела влюбиться в этот город дворцов, мостов и набережных. Однако это долго казалось несбыточной мечтой, да и Любу я не могла оставить.

Наверное, мне стоило всегда помнить мамин завет и держаться поближе к сестре. Но она тогда как раз познакомилась с Сашей. «Наконец-то!» — подумала я. Ведь сестре было уже *целых девятнадцать лет*. В то время мне казалось, что это ужасно много. И, зная, что она продолжает чувствовать ответственность за меня, я совсем не хотела мешать ее счастью — она заслуживала его, как никто другой.

Да и у меня в жизни приключилась ситуация, которую я скрывала от сестры: угораздило меня связаться с хулиганом. Как выяснилось, еще и абьюзером. Я избегала парней, казавшихся мне хоть немного опасными, но вот как-то так вышло. Я даже не была сильно влюблена — хотела уйти, да он не отпускал, угрожал. Наверное, я могла бы попросить о помощи Любиного парня, но мне было слишком стыдно: и перед ним, и перед сестрой.

Отец тогда как раз пребывал в завязке и пытался наладить с нами отношения. Воспользовавшись этим, я уговорила его отпустить меня в Питер и помочь с оформлением документов. Я сдала вступительные экзамены и уехала. Устроилась в больницу санитаркой, чтобы было, на что жить. С трудом — до восемнадцати не хотели брать. Но нашлось место, куда никто не рвался: к тяжелым лежащим больным. А мне было не привыкать.

Первое время я боялась, что тот хулиган последует за мной, но, к счастью, его хватило лишь на пустые угрозы. И жизнь будто бы вошла в нормальную колею.

У Любы с Сашей роман развивался стремительно — мне казалось даже чудом, что моя сдержанная, скупая на эмоции сестра влюбилась без памяти. И уже через несколько месяцев я приезжала на их свадьбу.

У меня же самой неплохо складывалось отношения с одноклассницами, но закадычных подруг я так и завела: все равно чувствовался какой-то барьер между мной и другими

девчонками. Зато в отношения, пришедшие на смену очередному мимолетному и пустому романчику, я скоро погрузилась с головой.

И этот парень принадлежал к еще одному типу молодых людей, которых я тщательно старалась избегать: слишком классный, слишком привлекательный, слишком обеспеченный. Слишком лучше меня во всем. Я знала, что не пара ему, — но я влюбилась. Впервые в жизни так сильно. И я позволила себе рискнуть сердцем. Разумеется, зря. Но это уже совсем другая история.

Глава 3. Крик в ночи

Осень 2024 года

Яна

Я, задыхаясь, бегу сквозь темный ночной лес. Холод обжигает мои босые ступни, а в незащищенную кожу больно впиваются иголки. В какой-то миг моя нога проваливается в противную, вязкую жижу, и становится еще холоднее. От неожиданности я вскрикиваю и падаю.

Боже, я теряю время, драгоценные доли секунды! Страх сжимает горло, связывает внутренности в тугой болезненный узел. Сердце бешено колотится о ребра, готовое выпрыгнуть из груди. Кажется, еще немного — и меня парализует. Собрав последние силы, я поднимаюсь на ноги и делаю шаг, но поскользываюсь и снова падаю.

Позади раздается хруст веток и приближающиеся шаги, дистанция неумолимо сокращается. Надо бежать, но я не могу подняться: ужасу удалось взять верх надо мной, и мое тело меня больше не слушается. А потом я понимаю, что бежать поздно: мой преследователь уже совсем рядом. Я кожей спины чувствую его присутствие и слышу, как тяжело и прерывисто он дышит.

— Добегалась? — его злобный голос похож на скрип пыточной машины из дешевого хоррора. Я не вижу его — я просто физически не в силах обернуться. Но все равно по-

нимаю, что настал конец.

Я хочу закричать, но легкие горят, и из горла вырывается лишь жалкий хрип. И вдруг тьму разрезает чей-то чужой, раздирающий душу вопль. Этот страшный звук полон такого безысходного отчаяния, что кровь застывает в жилах. Неужели не одна я умру сегодня ночью в этом лесу?

А потом к крику добавляется еще один голос, очень знакомый:

— Яна! Яна, проснись!

Я резко сажусь, не понимая, где я, что со мной, — и кто это кричит.

— Яна, успокойся, все хорошо, — какой-то человек трясет меня за плечи.

Кто это?!

Постепенно кошмарное наваждение оставляет меня. До меня доходит, что я дома, и рядом со мной мой парень Максим. И что кричала я сама.

Боже, это ж надо было такому присниться! Сердце продолжает колотиться, дыхание сбилось, будто я и вправду бежала, волосы все мокрые от пота, а ночнушка прилипла к спине.

— Обними меня, — прошу я Максима.

Он выполняет мою просьбу, но его объятия не слишком успокаивают: Макс худенький, небольшого роста, неспортивный — он точно бы не смог защитить меня от моего преследователя из сна. Пусть я не видела его лица и габаритов

(или видела, но не помню), но почему-то убеждена, что он большой и грозный.

А еще дико бесит, что Макс сам не догадался, что нужно сделать. Неужели даже в такой момент я должна об этом просить?!

Хотя мне уже давно пора бы смириться и перестать ожидать от моего парня того, что он ну никак не может мне дать в силу своих особенностей. Возможно, тогда он будет злить меня меньше. Вот только это означает смириться в очередной раз. Печально.

Но надо попытаться сделать акцент на хорошем, так ведь? Ведь в нем же есть хорошее: он безопасный, не пьет, верный, хотя... С таким низким либидо было бы весьма удивительно, если бы у Макса кто-то появился. Зато изменять мне целыми днями со своим компьютером и безликими тиммейтами — вот это да, это про него вполне.

Хорошее явно не перевешивает. Продолжая испытывать раздражение, сама прерываю объятие, поднимаюсь и плетусь в ванную. Вставать, в общем-то, рано — на часах только пол седьмого утра, я могла бы еще немного поспать. Но мне страшно засыпать снова.

Я неторопливо собираюсь и выхожу из дома. Заведя мой старенький Polo, матерюсь: Макс вчера вечером ездил по делам — ну неужели нельзя было заправить машину?! Ведь знает же, что мне на следующий день с утра на работу. И ладно бы хоть поездка была в магазин за продуктами. Но нет,

максимум, на что он способен, — это заказать доставку. Этот придурок катался за какой-то деталью для своего компа, которую нельзя было приобрести без проверки.

И, если бы не этот ужасный сон, то я бы вышла впритык, опоздала на «пятиминутку» и получила нагоняй и от старшей, и от заведующей. Но в этом весь Макс. Ответственность — это не про него. Забота, к сожалению, тоже.

Пока машина прогревается, я строчу сообщение Любе. Хотя между нами и тысячи километров, но мы с ней остались очень близки: постоянно на связи, регулярно созваниваемся по видео. Точнее, так происходило в обычные периоды, но сейчас сестра несколько замкнулась и на связь выходит реже. Я ее за это не виню: я знаю, что у Любы депрессия, а человеку в таком состоянии довольно сложно общаться. В какой-то мере — не настолько, как сестре — депрессия знакома и мне.

Мне не хватает ее, моей единственной кровиночки, но я просто жду и стараюсь быть рядом, не влезая в душу — Люба и без депрессии довольно закрытый человек, даже больше, чем я. Но когда она готова слушать, я чем-то делюсь. Иногда пытаюсь хоть немного развеселить. А порой позволяю себе и чуть-чуть пожаловаться на жизнь: мне кажется, что, хоть сестре и тяжело сейчас, а все равно ей важно ощущать себя старшей и компетентной.

Я желаю доброго утра и позволяю себе выплеснуть, как меня достал мой парень. Сестра не отвечает. Может, спит?

Хотя вряд ли: у них с мужем ферма. Они наняли нескольких работников, но сами тоже встают ни свет ни заря и трудятся не покладая рук.

Или ей стало настолько хуже, что она уже в силах работать? Может, ей назначили какие-то новые медикаменты, из-за которых она вынуждена спать дольше? Зная Любу, она ни за что не захочет расстраивать меня и будет скрывать до последнего.

Прогоняю тревожные мысли — по крайней мере, на время работы. У Любы замечательный муж, Саша, на которого, в отличие от Макса, можно положиться во всем. Он обязательно проконтролирует лечение, поддержит, поможет, — сделает все, что нужно. У Любы уже бывала депрессия, и не раз — и Саша так заботился о ней. Делал все возможное и невозможное, чтобы его жена скорее поправлась.

Мы с Сашей не так давно разговаривали: он пообещал, что, если моей сестре в ближайшее время не станет лучше, — он оставит ферму на работников и привезет Любу в Питер. Здесь совсем другие возможности психиатрии. Это, конечно, непростое для него решение — доверить такое хозяйство чужим людям волнительно. Макс бы на его месте отправил меня одну и не парился, как бы плохо мне ни было. Но Макс — это Макс, а Саша — это Саша: он с Любой всегда, везде. Ей с ним очень повезло.

Нет, я не завидую — и ни в коем случае не положила на Сашу глаз. Для меня это полное табу, вытекающее из абсо-

лютного знания, что ближе и роднее, чем мы с сестрой друг другу, быть невозможно. Между нами не может встать причина. Хотя, наверное, сейчас Саша и их дочка Анюта Любе ближе меня — но это же нормально, я нисколько не ревную. Это разные отношения, разные виды привязанности. Я искренне рада, что судьба подарила моей сестре такого человека.

А вот я все чаще думаю, что Максим в моей жизни — лишь очередной случайный прохожий, пусть и задержавшийся несколько дольше других. Но, кто знает, вдруг и мне когда-нибудь повезет, и я встречу кого-то, похожего на Сашу? Почему нет?

Хотя ответ на этот вопрос мне известен. Если основной критерий выбора партнера — это «гарантированно безопасный» (и в физическом плане, и чтобы точно не разбил сердце), то ни на кого лучше Макса рассчитывать не приходится.

И, если уж про Любиного мужа, — большой мужчина не может быть гарантированно безопасным: это покажет только время. Возможно, обстоятельства их знакомства способствовали тому, что Люба сразу поверила Саше — или все дело в том, что она просто смелее меня. Хотя, когда сестра нас познакомила, первое слово, которое родилось в моем мозгу при взгляде на ее избранника, было: «Защитник». Что-то в Саше такое есть, что не оставляет сомнений: он не обидит.

Ладно, хватит думать об этом.

Рабочий день: как всегда, беготня и круговерть. С утра

— анализы, потом — уколы, капельницы. Я работаю процедурной сестрой в кардиологии. Пациенты тяжелые, отделение переполнено, назначений много — иногда даже не присядешь.

Зная свою склонность к рассеянности, я всегда оставляю телефон в сестринской, чтобы не отвлекал. Просматриваю входящие сообщения только в обед, а потом уже после работы.

Во время перерыва вижу, что мое сообщение сестре остается не только неотвеченным, но и непрочитанным. Тревога резко подскакивает. Я не могу припомнить такого, чтобы Люба не отвечала мне по несколько часов. Я набираю ее номер, но слышу лишь долгие гудки. Потом — механический голос: «Абонент сейчас не может ответить...»

Выругавшись, снова строчу:

«Люба, напиши мне, я волнуюсь!»

Хочу взять телефон с собой, но понимаю, что, если сделаю это, то точно не смогу работать — буду каждую минуту дергаться, ожидая звонка или сообщения. Этого нельзя допустить в моей профессии.

Сама не своя, дожидаюсь пересменки, моля Бога, чтобы от Любы хоть что-то пришло. Достая смартфон с замирающим сердцем, и оно падает — снова ничего: тишина, пустота.

Опять звоню — глухо. Чувствую, как внутри все холодеет. Что же случилось?! Неужели этот ужасный сон был неспроста? Дрожащими пальцами нахожу контакт Саши, набираю,

но он тоже не берет трубку. Пишу и ему сообщение с просьбой обязательно ответить, но он не читает его.

Меня охватывает паника. Набираю в поисковике слова: Кемеровская область, сегодня, молодая женщина, ферма, несчастный случай, депрессия, самоубийство.

Результатов по моим запросам нет. Слава богу! Немного выдыхаю. Может, я вообще себе все придумала? Ну мало ли что могло произойти — с чего я взяла, что самое плохое? Это просто мой детский опыт меня подготовил к худшему, и я теперь всегда настороже.

Да и на работе я часто вижу, как умирают люди — далеко не всех можно спасти. Конечно, я выработала определенную степень защитного отстранения, иначе никак — и все равно меня это сильно трогает.

Знаю, есть те, кто настолько выгорел, что им уже все равно. Но я не хочу, чтобы так произошло со мной — и надеюсь, что не произойдет. Может, конечно, четыре года, что я работаю здесь после училища, — это слишком маленький срок. Но я твердо убеждена, что в медицине не должно быть места равнодушным людям.

В общем, я привыкла ждать плохого — но ведь в жизни же и хорошее случается. Может, у них корова телится или свинья поросится. Я, правда, понятия не имею, сколько времени занимает этот процесс, но знаю, что сестра старается при нем присутствовать.

Успокоив себя немного подобными мыслями, я собира-

юсь домой. И — меня ждет очередной сюрприз: у моего автомобиля полностью спустило переднее колесо. Да что ж за день такой?!

Уже чуть не плача, звоню Макс — ну вот, еще и он не отвечает. Набираю снова. Опять после долгих гудков это чертовое «Абонент не абонент...» Только с третьей попытки удастся дозвониться: по голосу понимаю, что мой парень спал.

Ушла — спал. Еду домой — спит. Конечно, он айтишник, фрилансер, и график у него довольно свободный. Но, мать его, если бы он поменьше спал и играл, побольше брал заказов, а лучше — устроился бы в серьезную компанию, нам жилось бы гораздо комфортнее. Бесит!

— Макс, возьми такси, приезжай, мне нужна помощь: колесо спустило, — тараторю я в трубку.

И что же он мне отвечает?

Он отвечает:

— Блин, Ян, в ту сторону такие пробки — я час буду тащиться.

Это явное преувеличение. Полчаса максимум. Уже не сдерживаясь, ору ему об этом в трубку, на что слышу:

— Ян, я никогда не менял колес точно так же, как и ты.

— Ну ты же мужик! — раздраженно восклицаю я.

— Но я ведь работаю головой, а не руками, — возражает он. — Я могу в интернете посмотреть и сказать тебе, что надо делать.

Он что же, думает, что я там сама не найду, как колесо

менять? Настолько за дуру меня держит?! Или просто издевается?

Послав Макса на хер, сажусь в машину, швыряю телефон на пассажирское сиденье и реву, уронив голову на руль. За этим занятием меня застаёт молодой врач Артем Валерьевич Никитин. Он работает в кардиохирургии, но к нам нередко заходит — мы знакомы.

— Что случилось, Яна? — спрашивает он, когда я открываю окно.

Я говорю, что спустило колесо. Он отвечает: «Не беда». И, несмотря на мое «Что вы, неудобно», ловко его меняет. Сразу видно, что у него руки на месте — в его профессии иначе быть не может.

— Артем Валерьевич, как мне вас благодарить? — я, кажется, готова его расцеловать от признательности.

— Перестаньте, давайте после работы без «Валерьевич», — улыбается он. — Может, составите мне компанию, и мы выпьем по чашечке кофе?

«Это что, подкат? — думаю я. — Или просто вежливость?»

Он, конечно, симпатичный, даже очень, и по комплекции куда привлекательнее Макса, — а на Макса я ужасно зла. Но не уверена, что это хорошая идея, — даже не из-за того, что у меня вроде как еще есть парень, — в чем я уже начинаю сомневаться.

Просто многие медсестры грезят об отношениях с вра-

чами. И многие врачи рассматривают медсестер как легкую добычу для чего-то несерьезного и непродолжительного. Не хочу еще одного горького опыта в своей жизни. Тем более — у себя на работе, чтобы потом было больно или стыдно в глаза смотреть, а за спиной ещё бы и злорадно сплетничали. Да и в любом случае сегодня мне не до этого.

Извиняюсь, но отвечаю, что вынуждена отказаться, — у меня проблемы дома.

Не знаю, верит Артем Валерьевич или нет, но понимающе кивает.

— Тогда в другой раз? — спрашивает он с легкой улыбкой.

Думаю, эта фраза — просто формальность, и я в отвечаю такой же формальностью:

— Да, конечно.

Про себя думаю, что куплю ему небольшую бутылочку какого-нибудь коньяка попримечнее, в рамках моих возможностей: не хочу быть должной, — и на этом все. Мы разьедаемся, и один вид его дорогой машины в очередной раз напоминает мне, чтобы не раскатывала губу.

По дороге еще пару раз набираю сестру и ее мужа — тишина. Поднимаюсь домой и закрываюсь на кухне: не хочу видеть Макса, а живем мы в однушке. Включаю сериал, пытаюсь отвлечься, — не выходит. Еще раз забиваю запросы в поисковик — снова ничего. Опять звоню Любе: «Телефон вызываемого абонента выключен...» Господи, да что же это?!

Тут приходит догадка: «Психиатрическая больница». Сестра один раз уже чуть туда не попала, настолько тяжелым был предыдущий депрессивный эпизод. Там телефоны забирают, насколько я знаю.

Ну вот и объяснение — малоприятное, но, по крайней мере, не совсем катастрофичное. Я начинаю смотреть авиабилеты. Не уверена, конечно, что меня к ней пустят, — но я должна быть там. Черт, я должна была быть там раньше: тогда, возможно, до этого бы не дошло. Я не должна была вообще оттуда уезжать!

Из самоуничижительных мыслей меня выдергивает телефонный звонок. «Саша Волков», — высвечивается на дисплее. Муж Любы. Сердце замирает в груди...

«Успокойся! — приказываю я себе. — Ничего страшного не могло произойти. Она в больнице. Это не очень хорошо, но и не трагедия. Ей там помогут. Он звонит, чтобы сообщить об этом».

Я беру трубку, и голос Саши заставляет меня похолодеть: — Прости, что не отвечал, не хотел пугать, надеялся, что все обойдется...

Похоже, не психиатрия. Несчастный случай?!

— Что случилось? — шепчу голосом, осипшим от страха.

— Пока ничего не известно, — убито сообщает Саша. — Люба пропала. Этой ночью.

За шестнадцать часов до этого

Я стою возле кровати и в слабом свете ночника рассматриваю лицо своего мужа. Во сне оно выглядит беззаботным и умиротворенным, даже морщинка в межбровье совсем разгладилась, а грудная клетка поднимается спокойно и размеренно. Саша негромко похрапывает, как и всегда, когда выпьет, — а выпивает он в последнее время часто.

Я знаю, что мне пора: нельзя задерживаться, дорога может быть каждая минута. И что я точно не должна испытывать таких эмоций. Но я ничего не могу с собой поделать: мне так горько, так бесконечно жаль...

Взяв себя в руки, я отворачиваюсь, отхожу от постели, как можно тише открываю дверь и выскальзываю из спальни. Комнату оставляю незапертой, чтобы не наделать лишнего шума. Ведь я прекрасно понимаю, что, если Саша захочет выйти, никакая сила, никакой замок не удержит его внутри.

Крадучись, я подбираюсь к детской, аккуратно нажимаю на ручку. Дверь приотворяется, и приглушенный ночной свет из холла падает на личико Анюты: моя крошка лежит на боку, ручка подсунута под пухлую щечку, а ротик в виде сердечка приоткрыт. Сколько же трогательной нежности в выражении ее милого лица.

Рыдания подступают в горлу, но усилием воли я подавляю их. Как и желание поцеловать доченьку: боюсь, что, если подойду к ней, — то уже не смогу уйти. Напоминаю себе, что

мы не прощаемся: все будет нормально!

Не так, как было. Не так, как я мечтала, — как мы с Сашей когда-то мечтали вместе. Но все равно жизнь продолжится. Главное только добраться до места назначения.

Осторожно притворив дверь, я на цыпочках спускаюсь по лестнице и, пробравшись в коридор, одеваюсь потеплее и выхожу на крыльцо. Ночь встречает меня промозглым холодом и ужасами, притаившимися в темноте: они прячутся за каждым деревом, за каждой постройкой. И двор еще хотя бы освещает фонарь, а за воротами меня ждет полная тьма. Но у меня нет другого выхода.

Бросаю тоскливый взгляд на гараж: если бы я могла взять машину. Но что сожалеть о том, чему не бывать? Придется мне обойтись сегодня как без автомобиля, так и без телефона. И без помощи. Но я точно знаю, что никто из знакомых мне не поможет: никто мне не верит, и я сама никому не верю. С кнопки я открываю калитку и делаю шаг в неизвестность.

Здесь еще страшнее, чем во дворе: теперь лишь луна освещает мой путь, пролегающий по грунтовке: сначала нужно пройти около километра сквозь поле, потом — метров сто сквозь подлесок, — и я окажусь на трассе, по которой еще тридцать километров до города. Я могу только надеяться на удачу, что меня кто-нибудь подвезет, — есть же хорошие люди. Ничего другого мне не остается: только верить.

Ночь. Трасса. Холод. Новости полицейской хроники, на-

гоняющие ужас на жителей области. Что я творю? Чистое безумие! Но ведь я и правда безумна, разве не так все считают, даже моя сестра?

Ну хорошо, не совсем безумна, в тяжелой депрессии, но в глазах большинства это ведь почти одно и то же. Очень надеюсь, что мне удастся доказать свою вменяемость. Но, чтобы мне представился такой шанс, нужно сначала добраться до города.

Внезапно что-то отделяется от деревьев и бросается прямо на меня. Привидение?! Нет, всего лишь ночная птица, и она пролетает мимо. Фуххх. У страха глаза велики. Но ведь я точно знаю, что бояться нужно не того, что кажется страшным с первого взгляда.

Когда выхожу с грунтовки, уже совсем не чувствую холода: я вся взмокла от пота, а дыхание срывается на хрип: я же почти бегу. Но, чем дальше я успею уйти, чем больше у меня шансов, так ведь?

Повернув в сторону города, я спускаюсь с обочины и иду вдоль деревьев. Сначала я думаю, что буду пытаться тормозить только грузовики: это безопаснее по определенным причинам. Но скоро я понимаю, что моя идея не проходит проверки реальностью: машин ночью на этой дороге крайне мало, особенно грузовых. Ведь большинство дальнобойщиков останавливаются на ночлег.

Но наконец мне везет. Точнее, я так думаю: фура, перед которой я отчаянно машу руками, со скрипом притормаживает.

вает, уезжая вперед на пару десятков метров, и паркуется на расширении обочины. Я бегу вперед, догоняя грузовик. Стекло опускается, в кабине загорается приглушенный свет.

— Пожалуйста, довезите меня до города! — отчаянно прошу я, сложив руки в молитвенном жесте.

— Не вопрос, залезай, — водитель приглашает меня кивком головы и, нагнувшись, отпирает передо мной дверь.

Я взбираюсь по высоким ступенькам и плюхаюсь на сиденье. В салоне тепло, играет радио. Неужели кошмар закончится, и я буду спасена?

— Как зовут, красотка? — слышу я вдруг.

Вздрагиваю и поворачиваюсь к водителю: мужчина лет сорока, худой, но крепкий и жилистый. И мне не нравится его взгляд: тяжелый, липкий, похотливый.

Внутри все обрывается. Смотрю на него, как кролик на удава. Игнорируя его вопрос, робко уточняю:

— Вы ведь довезете меня до города?

— Ну сказал же, — лыбится он, плотоядно разглядывая меня. Хотя сейчас, кое-как одетая, запыхавшаяся, на «красотку» я явно не тяну, но для его целей, очевидно, сгложусь и такая.

Но, может, я накручиваю себя, и мне все кажется?

Я называю сумму. Спрашиваю:

— Устроит?

— Что-то больно мало берешь, — он скалится и подмигивает мне. В этом жесте столько грязи, что меня передер-

гивает.

— В смысле? — выдавливаю я из себя, едва дыша от страха, — и тут вдруг его ладонь ложится на внутреннюю сторону моего бедра и начинает двигаться вверх.

Господи, только не это!

На секунду цепенею от ужаса, но страх быстро сменяется ядерной смесью из отвращения и гнева.

— Прекратите! — требую я. От возмущения в голос даже возвращается сила. Вцепляюсь ему в запястье, пытаюсь убрать его чертову лапу — но эффект нулевой. Тогда я замахиваюсь и залепляю ему по щеке.

— Сука! — рычит он. Убирает руку. Смотрит на меня так, словно хочет раздавить одним лишь взглядом. Вижу, как плотно сжимаются от ярости его челюсти и начинают ходить желваки. Я вжимаюсь в самую дверцу...

А потом он резко выбрасывает в мою сторону кулак, и я уже готовлюсь к удару, но вместо этого он хватает меня за волосы. С ужасом вижу, как другая его рука расстегивает ширинку, а потом он начинает нагибать мою голову вниз.

Ну уж нет! Ни за что! Я лучше умру!

Ногтями обеих рук я впиваюсь мерзавцу в щеки, он матерится и ослабляет хватку — настолько, что мне удастся повернуть голову и изо всех сил вонзить зубы ему в запястье.

Он орет и выпускает мои волосы. Сама не знаю, как мне это так ловко удастся, но за долю секунды я нахожу дверную ручку и буквально вываливаюсь из машины. Неловко при-

земляюсь на колени, но боли не чувствую: вскакиваю и, провозжаемая угрозами и проклятиями, несусь в лесную чащу.

Сердце колотится так громко, что кажется, его слышит каждый лесной житель, дыхание сбивается, в груди саднит. Вдруг моя нога за что-то цепляется и я падаю, громко вскрикнув от неожиданности. Господи, неужели я выдала себя, и он сейчас меня схватит?!

Ни жива ни мертва, лежу на земле, боясь подняться и вслушиваясь в тишину. Но единственное, что слышу, — это шорох листьев и пульсацию собственной крови в ушах. Тогда я сажусь и заставляю себя повернуться: никаких признаков чьего-либо постороннего присутствия. Но как же мне страшно!

Не знаю, сколько времени сижу и выжидаю, прежде чем решаюсь, ориентируясь на луну, вернуться к дороге. Опять иду вдоль нее по краю леса, теперь уже не зная, каких машин мне больше бояться: легковых или грузовых. В какой кроется спасение, а в какой — гибель? Но машин-то почти и нет.

Кажется, прохожу не меньше километра, прежде чем вижу вдалеке фары. Легковушка. Ксенон. Не решаюсь. Прячусь за деревом.

В слабом свете луны различаю очертания машины, проносящейся мимо: *не та*. Может, я упустила единственный шанс? Черт! Черт! Черт!

Мои глаза заволакивают слезы. А потом, сквозь их пелену, я различаю вдалеке чуть желтоватый и не столь яркий свет: галоген. Я должна попытаться еще раз!

Я выскакиваю на обочину и отчаянно машу руками. Машина снижает скорость и останавливается неподалеку от меня. Я молюсь про себя, чтобы за рулем оказался кто-то адекватный. А потом дверца с водительской стороны открывается, из нее выходит мужчина, и...

Я, больше не пытаясь сдерживаться, начинаю судорожно всхлипывать, но это — слезы облегчения: я узнаю этого человека. Я спасена!